

Рубан А. А.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри російського мови та літератури
Донецького державного педагогічного університету

Ткаченко К. А.,
кандидат філологічних наук,
старший викладач кафедри російського мови та літератури
Донецького державного педагогічного університету

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А. С. ПУШКИНА В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в вузе и школе. Рассматриваются аспекты преемственности анализа произведения в высшей и средней школе: проблемно-тематический план, образная система, жанровое своеобразие, особенности речевой характеристики персонажей, приемы создания образа и пр. Обращается внимание на некоторые несоответствия в изучении произведения на разных этапах образования.

Ключевые слова: жанр, повесть, роман, образ, А. С. Пушкин, анализ произведения.

Постановка проблемы. Сегодня вузовские и школьные программы по литературе, на наш взгляд, не вполне соотносятся. Так, студент-филолог изучает творчество А. С. Пушкина как монографическую тему. Одновременно рассматриваются особенности и лирики, и прозы поэта. Особое внимание отводится «Капитанской дочке», различным аспектам поэтики этого произведения. В дальнейшем учитель не в полной мере использует эти знания, так как школьная программа не учитывает современные научные тенденции. И дело не только в количестве часов и возрастном восприятии. Дело в отсутствии преемственности между вузовским и школьным анализами художественного произведения.

Как отмечают исследователи, «в изучении творчества Пушкина 1830-х годов сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует обширная литература, посвященная произведениям этого периода, интерес к нему является в пушкиноведении господствующим, и в то же время 30-е годы всё ещё остаются наименее изученным отрезком творческого пути писателя» [2, с. 44]. Ряд важных вопросов, связанных, в частности, с изучением поэтики «Капитанской дочки», остаётся практически не затронутым. Школьная же программа и методические разработки придерживаются только классической трактовки «Капитанской дочки» [3; 5; 10; 12 и др.]

Цель статьи – выявление проблемных вопросов в изучении «Капитанской дочки» в вузе и школе, определение сфер преемственности при анализе этого произведения.

Изложение основного материала исследования. Относительно «Капитанской дочки» А. С. Пушкина наблюдается многообразие исследовательских позиций и аспектов изучения. Так, взгляды исследователей на жанровую природу «Капитанской дочки» существенно разнятся. Одним из наиболее устойчивых критериев жанрового различия остаётся формальный – объём. Небольшой объём и внешняя простота фабулы дают

повод назвать «Капитанскую дочку» повестью (М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина, Н. Л. Степанов, Ю. М. Лотман и др.). Как правило, аргументы в пользу этой точки зрения не приводятся, и название произведения повестью происходит в первую очередь в силу традиции.

Эта же точка зрения представлена в школьной программе по литературе [12, с. 72], однако в «Государственных требованиях к уровню общеобразовательной подготовки учащихся» самих «требований» к изучению понятия «повесть» нет. Не рассматривается жанр произведения и в методической литературе [3; 5; 10].

В пушкиноведении существуют и другие определения жанра «Капитанской дочки». Сам Пушкин обычно называл своё произведение романом [11, с. 96]. Определение жанра произведения связывается и с традициями литературной терминологии 1830-х годов: «Повесть, даже очень небольшая по своим размерам, но значительная по своей проблематике – философско-исторической, политической или общественно-бытовой, – всё чаще и чаще обозначалась в русской печати 1830-х и 1840-х годов как «роман» [11, с. 96].

Считать «Капитанскую дочку» романом склонны исследователи, для которых более важным представляется содержательный критерий. Дополнительную аргументацию сторонники романной гипотезы находят в литературном контексте эпохи. В первую очередь исследователи сравнивают роман Пушкина с историческими романами В. Скотта (А. З. Лежнев, Л. С. Сидяков, Н. Л. Степанов, Г. П. Макогоненко и др.). Помимо романов В. Скотта, исследуются русские и зарубежные источники произведения: роман «Ложный Пётр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачёва», повесть А. П. Крюкова «Рассказ моей бабушки», роман А. Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества», исторический анекдот А. О. Корниловича «За Богом молитва, за царём служба не пропадают» и др.

Интересные перспективы открывает сопоставление различных особенностей пушкинского повествования с фольклорной традицией и с ориентированием на сопоставление организации повествования с мемуарной традицией.

В вузовском изучении «Капитанской дочки» особое внимание уделяется проблематике произведения. В этой области было сильно влияние идеологии, в связи с чем на первое место выдвигался вопрос об историко-политическом смысле и значении крестьянского восстания (Г. А. Гуковский, С. М. Петров, Г. П. Макогоненко, Н. Л. Степанов и др.).

Важным этапом в изучении проблематики романа являются работы Ю. М. Лотмана. По мнению исследователя, «вся художественная ткань «Капитанской дочки» отчётливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчинённых изображению двух миров: дворянского и крестьянского... В каждом из миров существуют свои представления о государственной власти и свои законные носители этой власти. Пушкин, исследуя материалы пугачёвского бунта, приходит к выводу: обе враждующие стороны проявляют крайнюю жестокость, которая проистекает не от личных качеств противников, а от столкновения несовместимых социальных концепций. В романе сталкиваются официальные и общечеловеческие представления о справедливости. Власть оборачивается к персонажам формальной стороной, что грозит им гибелью. Спасает их человечность, проявленная обоими властителями вопреки установленным и поддерживаемым ими принципам» [8, с. 110].

Сегодня исследователи больше обращают внимание на нравственные проблемы. Иногда совершенно противоположно анализируется проблема милости и правосудия. Одни считают, что «Капитанская дочка» «настолько проникнута духом милосердия, что её можно было бы назвать повестью о милосердии» [6, с. 3], милосердия в христианском, евангельском понимании. По мнению других, в «Капитанской дочке» милость не оказывается по свободному изъявлению: она связана либо с уплатой долга, либо с демонстративным выражением зависимости от высшей силы, когда человек, в соответствии с психологией властителя, просит его покровительства [4].

При анализе исторической проблематики «Капитанской дочки» важное место занимает проблема взаимодействия случайного и закономерного в историческом процессе, роли случая в истории, которая интересовала Пушкина на протяжении всего творчества. Эволюция данной проблемы в творчестве Пушкина рассматривается подробно в работах С. А. Кибальника [7].

Школьная же программа рекомендует рассмотреть такие проблемы: «любовь как чувство, помогающее сохранить честь и достоинство в сложных жизненных обстоятельствах; утверждение идей свободы, гуманности, чести и долга» [12, с. 71–72].

Тщательно исследуется система персонажей «Капитанской дочки». В пушкиноведении наиболее распространены два толкования образа Гринёва: либо, вслед за В. Г. Белинским, как человека с ничтожным, бесцветным характером, своего рода Митрофанушки, либо как человека с неразвитым интеллектом, но проявившего высокие нравственные качества. По мнению В. Б. Шкловского, образ Гринёва, по сравнению с первоначальным замыслом Пушкина, «чрезвычайно снижен: вместо блестящего повеса и силача-гвардейца мы видим недоросля, который попал из деревни прямо в глушь» [16, с. 57]. Противоположной точки зрения придерживается О. Чайковская, обнаруживая в Гринёве «силу духа, честность, искренность, жертвенность, особую теплоту в отношениях с Савельичем» [15, с. 235].

Особенность построения образа Гринёва в том, что он дан в двух временных измерениях. Этим объясняются противоречия в персонаже, неожиданная рассудительность и мудрость, которую демонстрирует «недоросль». Контраст между изображением детства Гринёва и его неожиданно быстрым взрослением также, по мнению Г. Макогоненко, связан с тем, что Гринёв-мемуарист сознательно изображает своё детство иронически, в духе Фонвизина. Ирония рассказчика была призвана подчеркнуть его объективность, отсутствие тщеславия и вызвать дове-

рие к повествованию. Эта двойственность определяет бинарную структуру повествования, в которой соотносятся два плана – событийный внешний мир и мир внутренний, переживаемый в словах.

Противоречивые оценки в литературе получает образ Маши Мироновой. По мнению Л. С. Сидякова, образ героини играет существенную роль в заглавии, но оказывается в стороне от основного содержания романа, и этим определяется его «несомненная второстепенность» [13, с. 203]. Напротив, Н. Л. Степанов считает, что с образом капитанской дочки связана важнейшая идея романа: «выдвигая на первый план Машу Миронову, писатель выделял и тот внутренний смысл своей повести, который гласил, что в грозных испытаниях исторических бурь <...> высшей ценностью является человек, сохранение в нём той душевной красоты, благородства и гуманности, которые, пройдя сквозь горнило испытаний, в конце концов, торжествуют» [14, с. 221]. Маша Миронова, по мнению Степанова, сродни Татьяне Лариной: в обеих отражён пушкинский идеал скромной, но сильной духом русской женщины.

Особое внимание исследователей привлекает образ Савельича. Одни указывают на традиционность образа слуги. По мнению других, образ Савельича объёмен, лишён схематичности. У старого слуги свой характер, свой образ мыслей и убеждения, которым он хранит верность. Его представления о долге и чести не менее тверды, чем у его господина. По мнению Г. П. Макогоненко, Савельич и Пугачёв представляют собой две стороны национального характера: «в образе Савельича воплощаются смирение и послушание русского народа» [9, с. 86]. Однако в литературе присутствует и высокая оценка нравственных качеств Савельича – это верность своим убеждениям в самых тяжёлых обстоятельствах. В своём неизменном мужестве он по-своему равновелик Пугачёву.

Пристальное внимание исследователей обращено на образ Швабрина. Это последовательно отрицательный персонаж, практически лишённый внутренних противоречий, что связано с мемуарной формой повествования: Швабрин дан через призму восприятия Гринёва. «Именно эта субъективность повествования объясняет однозначность и одноцветность изображения Швабрина» [9, с. 39]. В его образе изображены типические черты «золотой» дворянской молодёжи екатерининского времени, воспринявшей вольтерьянство только как основание для циничного скептицизма и для чисто эгоистического и грубо-эпикурейского отношения к жизни. Л. С. Сидяков интерпретирует конфликт Гринёва и Швабрина как противопоставление развращённого, циничного и аморального столичного дворянства и дворянства старинного, хранящего твёрдые нравственные устои [13].

Образы Савельича и Швабрина в школьном изучении не рассматриваются отдельно, а только в связи с главными персонажами произведения – как их антагонисты. Однако учащийся должен уметь сопоставлять образы Гринёва и Швабрина.

Выбор Пушкиным мемуарной формы повествования предполагает особую роль рассказчика, в восприятии которого даются исторические события. Мемуарная форма позволила Пушкину изобразить исторические события «домашним образом», сочетать историческую точность, конкретность в воссоздании быта, нравов, обычаев эпохи и личный взгляд на историю.

Особо ученые говорят о многослойности или многоплановости стиля пушкинского повествования. Отмечается индиви-

дуализация речей персонажей. Каждому типу повествования соответствует определённая лексика, морфологические категории, синтаксические конструкции. В языке «Капитанской дочки» выявляют несколько пластов, соотносимых с разными культурно-идеологическими группами: живую разговорную речь, европеизированный светский слог, официальный стиль, военную лексику. Пушкин свободно использует и комбинирует разные лексические средства, формируя внутренний мир персонажа, включающий в себя несколько ролей, каждая из которых предполагает свой язык и стиль поведения.

Исследователи говорят о динамизме пушкинского повествования, языковой основой для которого становится глагольность предложений, их минимальная распространённость. Пушкинская прозаическая фраза, короткая, точная, лишённая всяких украшений, стремится к пределу «существительное плюс глагол». Этим объясняется особенность ритма пушкинской прозы, её стремительный темп. Динамичному изображению ситуации также способствует смена форм времени глагола. Важной чертой пушкинского стиля является то, что он «пользуется лишь наиболее типическими и выразительными, стержневыми – и в то же время не очень резкими – чертами языка изображаемого быта» [1, с. 118].

«Историческая правда и художественный вымысел в повести. Точность и лаконизм пушкинской прозы. Мотивы народного творчества в повести. Роль эпиграфов» [12, с. 72] – все это содержание учебного материала в школе. Эти вопросы должны быть изучены, но ученик восьмого класса не знаком со многими теоретическими понятиями, что не учтено в школьной программе. Также предлагается в теоретическом блоке рассмотреть понятие «художественный образ», которое «подменяет» понятие «образ-персонаж», из-за чего возникает путаница у школьников.

Выводы. Итак, при изучении «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в школе и вузе не всегда соблюдается закон преемственности. Особое внимание методистам следует обратить на теоретические основы обучения школьника, на современные исследования в отечественном и российском пушкиноведении.

Материалы данной статьи дают основание расширить круг традиционных литературоведческих и методических проблем, способствуют исследовательской и поисковой работе, систематизации и конкретизации современных представлений об изучении «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в школе и вузе. Вопрос о проблемах преемственности между вузовским и школьным изучением жанрового, идейно-тематического своеобразия произведения невозможно решить в рамках одной статьи и на примере одного художественного текста. В дальнейшем изучении вопроса возможен более широкий охват литературного материала.

Литература:

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1959. – 655 с.
2. Дебрецени П. Блудная дочь: анализ художественной прозы Пушкина / П. Дебрецени. – СПб. : Академический проект, 1996. – 398 с.
3. Дегожская А. С. Повесть Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении / А. С. Дегожская. – Л. : Просвещение, 1971. – 127 с.
4. Заславский О. Б. Проблема милости в «Капитанской дочке» / О. Б. Заславский // Русская литература. – 1996. – № 4. – С. 41–52.

5. Ильина Н. Д. Литература. 8 класс : [планы-конспекты уроков] / Н. Д. Ильина. – Харьков : Веста : Издательство «Ранок», 2001. – 224 с.
6. Катасонов В. Н. Тема чести и милосердия в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки») А. С. Пушкина / В. Н. Катасонов // Литература в школе. – 1991. – № 6. – С. 2–13.
7. Кибальник С. А. Тема случая в творчестве Пушкина / С. А. Кибальник // Пушкин: исследования и материалы. – СПб. : Наука, 1995. – Т. XV. – С. 60–75.
8. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя : [пособие для учащихся] / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 255 с.
9. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833) / Г. П. Макогоненко. – Л. : Художественная литература, 1974. – 376 с.
10. Маранцман В. Г. Изучение творчества А. С. Пушкина в школе. На пути к А. С. Пушкину : [пособие для учителя и учащихся] : в 2-х ч. Ч. 1. / В. Г. Маранцман. – М. : ВЛАДОС, 1999. – Ч. 1. – С. 237–254.
11. Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Путешествие-1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Авт. и сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. – Оренбург : Димур, 1997. – 519 с.
12. Сімакова Л. А. Література (російська та зарубіжна). Інтегрований курс: програма для 5–12 класів загальноосвітніх навчальних закладів з російською мовою навчання / Л. А. Сімакова, В. В. Снегірьова. – Чернівці : Букер, 2005. – 192 с.
13. Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина / Л. С. Сидяков. – Рига : Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. – 218 с.
14. Степанов Н. Л. Проза Пушкина / Н. Л. Степанов. – М. : АН СССР, 1962. – 300 с.
15. Чайковская О. Гринёв / О. Чайковская // Новый мир. – 1987. – № 8. – С. 226–244.
16. Шкловский В. Б. Тетива: о несходстве сходного / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1970. – 376 с.

Рубан А. А., Ткаченко К. А. Про проблеми вивчення «Капітанської дочки» О. С. Пушкіна у вищій та школі

Анотація. Статтю присвячено проблемам вивчення «Капітанської дочки» О. С. Пушкіна у вищій та середній школах: проблемно-тематичний план, образна система, жанрова своєрідність, особливості мовної характеристики персонажів, прийоми творення образу тощо. Звертається увага на деякі невідповідності при вивченні твору на різних етапах освіти.

Ключові слова: жанр, повість, роман, образ, О. С. Пушкін, аналіз твору.

Ruban A., Tkachenko K. About problems of studying „The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin in colleges and schools

Summary. Article demonstrates the problems of studying „The Captain’s Daughter” Pushkin A. in colleges and schools. Into consideration taken the analysis succession aspects of composition at colleges and high schools: the relevant plans, figure system, individual genre, the features of speech person characteristics, methods of creating a character and etc. Paying attention to some inconsistencies in studying of composition at different levels of education.

Key words: genre, story, novel, character, Pushkin A., analysis of composition.